
Религия, конспирология и национальное единство: антибахайтская риторика в подложных персоязычных «Мемуарах князя Долгорукова»

БЕРОНИКА С. ТИТОВА

Рекомендация для цитирования: *Титова В. С.* Религия, конспирология и национальное единство: антибахайтская риторика в подложных персоязычных «Мемуарах князя Долгорукова» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2026. № 2 (44). С. 158–187.

For citations:

Titova, V. S. (2026) "Religion, Conspiracy, and National Unity: Anti-Baha'i Rhetoric in the Fake Persian-Language 'Memoirs of Prince Dolgorukov'", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 2 (44): 158–187.

Поступила в редакцию: 15.12.2026; прошла рецензирование: 22.03.2026; принята в печать: 10.04.2026.

Received: 15.12.2026; Revised: 22.03.2026; Accepted for publication: 10.04.2026.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Титова В. С., 2026

© Titova V. S., 2026

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). veronicatitova29@gmail.com
ORCID: 0009-0003-9835-2900

Аннотация. Данная статья посвящена анализу нарративов опубликованного в г. Тегеран в 1943 году конспирологического текста «Мемуаров князя Долгорукова», представлявшего альтернативную версию появления бабизма и бахаизма в Иране. Несмотря на то, что события «Мемуаров» разворачиваются в XIX веке, в 1940-е годы документ продолжал активно распространяться, поскольку служил отражением культурной травмы и кризиса национальной идентичности в период англо-советской оккупации Ирана. В статье показывается, как текст в конспирологическом ключе объединил три ключевых нарратива эпохи: антиимпериалистический (постоянная угроза со стороны иностранных государств), исламистский (защита «первоначального» ислама от внутренних ересей) и националистический (культ единства и чистоты нации). Интерпретируя возникшие религиозные течения как инструмент разобщения иранской нации, автор «Мемуаров» осуждает их и представляет общество жертвой постоянного сговора иностранцев и их внутренних агентов. С одной стороны, документ отражает начальную стадию проработки культурной травмы в иранском обществе. С другой стороны, «Мемуары» выступают инструментом идеологической мобилизации, который стремится объединить разрозненное общество вокруг нарратива сопротивления внешним и внутренним «чужим».

Ключевые слова: Иран, «Мемуары князя Долгорукова», бахаизм, бабизм, конспирологическая теория, антиимпериалистический дискурс, исламская идентичность, религиозные меньшинства

Religion, Conspiracy, and National Unity: Anti-Baha'i Rhetoric in the Fake Persian-Language "Memoirs of Prince Dolgorukov"

Veronika S. Titova

HSE University (Moscow, Russia). veronicatitova29@gmail.com

ORCID: 0009-0003-9835-2900

Abstract. *This article analyzes the narratives of the conspiracy text "Memoirs of Prince Dolgorukov", which was published in Tehran in 1943 and presented an alternative version of the emergence of Bábí and Bahá'í religious movements in Iran. Although the events of the "Memoirs" took place in the 19th century, the spread of the document continued throughout the 1940s, serving as a reflection of the cultural trauma and crisis of national identity during the Anglo-Soviet occupation of Iran. The article demonstrates how the text united three key narratives of the era: anti-imperialist (the constant threat from foreign powers), Islamist (the defense of "original" Islam from internal heresies), and nationalist (the cult of national unity and purity). By interpreting the religious movements as instruments of disunity within the Iranian nation, the author of the "Memoirs" alienates them and portrays society as the victim of constant conspiracy of foreign agents and their domestic spies. On the one hand, the document reflects the initial stage of processing cultural trauma in the Iranian society. On the other hand, the "Memoirs" serve as a tool of ideological mobilization that aimed at uniting a fractured society with a narrative of resistance to external and internal "others".*

Keywords: Iran, "Memoirs of Knyaz Dolgorukov", Baháism, Babism, conspiracy theory, anti-imperialist discourse, Islamic identity, religious minorities

Информация о финансировании: без внешнего финансирования.

Funding information: without external funding.

Введение

В 1943 году в Тегеране вышло очередное издание «Мемуаров князя Долгорукова» (*Yāddāshthā-ye Knyāz Dolgoruki*¹). В предисловии издатель текста, Сейед Абуль-касим Мараша², связывает возникновение религиозных течений бабизма и бахаизма, появившихся во второй половине XIX века, с деятельностью чиновников Российской империи, одновременно очуждая их последователей: «Мы утверждаем, что это — вера, которая была дарована Ирану репрессивной политикой царской России (которая пала благодаря твердой воле Ленина, Сталина, рабочих и крестьян)»³. Потомственный книготорговец и книгоиздатель, специализирующийся на религиозной литературе, таким образом, высказался от лица социальной группы, убежденной в несамостоятельной природе возникновения бабизма и бахаизма. Данная статья посвящена анализу антибабидской и антибахайтской конспирологической риторики подложных «Мемуаров князя Долгорукова». Этот текст был впервые опубликован в Иране в 1930-х годах и переиздавался в различных версиях вплоть до 1943 года, а его автором считался князь Дмитрий Иванович Долгоруков (1797–1867), служивший полномочным министром в Иране в 1845–1854 годах⁴. И хотя нет никаких верифицируемых данных о связи этого источника с Дол-

¹ Для транслитерации различных терминов использовалась система, предложенная энциклопедией *Iranica*.

² Сейед Абулькасим Мараша Табризи (1911–1979) — автор и основатель издательства «Хафез» в г. Тегеран. Помимо публикации «Мемуаров князя Долгорукова» Мараша причастен к публикации следующих книг: «Хадж глазами Хазрата Саджаджада» и «Сейед Джамал Асабади» (так в Иране принято называть панислаamista Джамала ад-Дина ал-Афгани), что позволяет делать выводы о влиянии религиозных воззрений автора предисловия на его взгляды в отношении бабизма и бахаизма. Стоит отметить, что Абулькасим Мараша не являлся ключевым автором документа, однако был причастен к ряду последовавших редакций. Рассмотрение всех стадий переработки «Мемуаров князя Долгорукова» выходит за рамки данного исследования. Подробнее об этом см. Yazdani, M. (2011) “The Confessions of Dolgoruki: Fiction and Masternarrative in Twentieth-Century Iran”, *Iranian Studies* 44 (1): 25–47.

³ *Yāddāshthā-ye Knyāz Dolgoruki* (1943), p. 2. Tehran.

⁴ Дмитрий Иванович Долгоруков (1797–1867) — дипломат, занимавший должность полномочного министра Российской империи в Персии в 1845–1854 годах. М. С. Иванов отмечает, что Д. Долгоруков занял должность посла в январе 1846 года (Иванов М. С. Бабидские восстания в Иране (1848–1852). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 27). Соответственно, Д. И. Долгоруков прибыл в Иран после провозглашения новой религии и стал одним из первых очевидцев конфликта бабидов с государством Каджаров. Подробнее о донесениях Д. И. Долгорукова см.:

горуковым, ключевой темой «Мемуаров» становится зарождение бабизма и бахаизма в Иране, к которому, как утверждается в тексте, был причастен лично князь, действовавший в интересах Российской империи с целью дестабилизации внутривосточной обстановки в Иране. Документ стал крайне востребован как источник антибабидской и антибахаитской конспирологической риторики.

Конспирологическая природа «Мемуаров князя Долгорукова» не вызывала сомнений уже в XX веке. Хотя текст изначально позиционировался как подлинное признание русского дипломата, уже в 1940-е годы на документ обрушилась критика иранских интеллектуалов⁵. Это, однако, никоим образом не сказывалось на популярности «Мемуаров князя Долгорукова», которая вышла на новый виток в период англо-советской оккупации Ирана 1941–1946 годов. Отречение иранского монарха, Реза-шаха Пехлеви, в пользу молодого наследника, Мохаммеда Резы, нахождение иностранных войск на территории Ирана, использование Ирана в качестве плацдарма для поставки военных запасов СССР, а также голод 1942–1943 годов, спровоцированный действиями союзников, — все эти события привели к актуализации содержания «Мемуаров». Таким образом, «Мемуары князя Долгорукова» описывающие события XIX века, стали своеобразным зеркалом иранской действительности XX века.

Цель данной статьи — исследовать «Мемуары князя Долгорукова» как комплекс общественных нарративов Ирана 1940-х годов. Для этого в статье раскрывается переплетение антиимпериалистической, исламистской и националистической риторики в документе⁶ и анализируются используемые в нем механизмы очуждения

Shahvar, S., Morozov, B., Gilbar, G. (eds) (2011) *Baha'is of Iran, Transcaucasia and the Caucasus. Volume 1: Letters of Russian Officers and Officials*, p. 15. London: I. B. Tauris.

⁵ Среди них — Ахмад Кесрави, иранский интеллектуал, известный своими радикально секулярными взглядами. В книге, критикующей бахаизм, он называет «Мемуары князя Долгорукова» поддельными. Подробнее см.: Kasravi, A. (1943) *Bahā'igari*, p. 70. Tehran.

⁶ Поскольку основная версия «Мемуаров князя Долгорукова» была создана в 1930-х годах, документ в меньшей степени раскрывает ряд общественных дискурсов, включая риторику сепаратистских движений в иранском Азербайджане и Курдистане начала 1940-х годов и коммунистическую пропаганду партии «Туде», основанной в 1941 году. Хотя в предисловии к «Мемуарам» Абулькасим Мараша дает положительную оценку действиям СССР и отделяет действия коммунистического режима от политики Российской империи, риторика членов «Туде» в Иране не является главным объектом нашего анализа. Что касается сепаратистских движений, документ также не уделяет им внимания, однако текст неоднократно апеллирует к идее единства нации как спасения от иностранной

религиозных меньшинств. Таким образом, исследование демонстрирует, как конспирологический текст функционировал в условиях англо-советской оккупации, выступая в роли инструмента идеологической консолидации общества.

Методологическая рамка

Анализ «Мемуаров князя Долгорукова» проводится с опорой на метод критического дискурс-анализа (КДА) по модели Н. Фэрклафа⁷. Помимо этого, для нашей работы необходимо дать определения таким понятиям, как «конспирологическая теория», «культурная травма», «виктимизация», «детравматизация» и «оучуждение». Конспирологические теории — это альтернативные способы трактовки исторических событий как результата сговора между мотивированными группами, стремящимися извлечь из этого собственную выгоду. Апеллируя к опыту травмы, подобные теории нередко глубоко укореняются в сознании сообщества и исторической памяти, трансформируя национальную идентичность и порой определяя внутри- и внешнеполитический курс страны. В иранистике на данный момент отсутствуют фундаментальные работы в этой области, поэтому мы опираемся на междисциплинарные трактовки травмы, сформулированные Дж. Александером, и определения конспирологических теорий, представленные Я.-В. Ван Проойен и К. Дуглас⁸.

Дж. Александер определяет культурную травму как событие, которое несет угрозу идентичности некой группы. В свою очередь, травма может способствовать консолидации сообщества для дальнейшего преодоления травматических воспоминаний. При этом процесс образования травмы является постепенным, на стадии формирования травматического дискурса происходит виктимизация общества, то есть разработка собирательного образа жертв

экспансии. Следовательно, данные дискурсы не являются ключевыми для «Мемуаров», при этом нельзя сказать, что в тексте они полностью игнорируются.

⁷ Fairclough, N. (2013) "Critical Discourse Analysis", in J. P. Gee, M. Handford (eds) *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*, pp. 9–20. London: Routledge.

⁸ Alexander, J. C., Eyerman, R., Giesen, B., Smelser, N. J., Sztompka, P. (2004) *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press; Van Prooijen, J.-W., Douglas, K. M. (2017) "Conspiracy Theories as Part of History: The Role of Societal Crisis Situations", *Memory Studies* 10 (3): 323–333. Бытование конспирологии в ближневосточном контексте рассмотрено в сборнике под редакцией М. Реинковски и М. Баттера: Butter, M., Reinkowski, M. (eds) (2014) *Conspiracy Theories in the United States and the Middle East. A Comparative Approach*. Berlin; Boston: De Gruyter.

вы. На следующих этапах конструируется официальный нарратив травмы, а также происходит детравматизация, в ходе которой общество переключается на более актуальные события.

В контексте данного исследования термин «очуждение» используется в значении исключения социальных групп из общества, включая прекращение их отношений с другими общественными группами и лишение политического авторитета, а также отстранение от Бога. В теологическом контексте подразумевается исключение группы лиц из религиозного сообщества с лишением права влиять на установившиеся практики⁹. Помимо этого, мы опираемся на термин «национальная идентичность» в трактовке А. Смита¹⁰ и концептуальную оппозицию «свой-чужой», применяемую в политической риторике для категоризации акторов.

История возникновения бабизма и бахаизма в Иране

Бабизм появился в середине XIX века в Иране в период правления династии Каджаров (1795–1925) после того, как в 1844 году основатель данного религиозного течения иранский купец Сейед Мохаммед Али Ширази (1819–1850) объявил себя Бабом (Bāb, перс. «Врата»), то есть обновителем божественного откровения. Такой статус Баба прямо противоречил одной из ключевых доктринальных установок ислама, согласно которой Мухаммад являлся последним пророком на Земле, а Коран — финальным, неискаженным откровением. Ряд основополагающих противоречий бабизма с исламом настроил против него шиитское духовенство, влияние которого в каджарском Иране значительно росло¹¹. Таким обра-

⁹ Подробнее о различных значениях данного термина см.: Gook, B., Hoens, D. (2022) “Alienation”, in C. Neill, E. Vanheule (eds) *The Marx Through Lacan Vocabulary: A Compass for Libidinal and Political Economies*. London: Routledge.

¹⁰ Smith, A. D. (1992) “National Identity and the Idea of European Unity”, *International Affairs* 68 (1): 55–76.

¹¹ Антибабидская риторика активно использовалась государством Каджаров и шиитским духовенством и эксплуатировала образ «внутреннего врага». Пропаганда изображала представителей движения еретиками и нарушителями социального порядка. При этом антибабидские настроения бытовали и среди интеллигенции — в 1863–1864 годах Мирза Фатхали Ахундзаде (1812–1878) издал книгу «Камал ад-Даула» с критикой бабидов. Схожие претензии к движению можно было встретить у конституционалистов начала XX века. Подробнее об этом см.: Mottahedeh, N. (1998) “Mutilated Body of the Modern Nation”, *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East* 18 (2): 38–50; Momen, M. (2012) “The Constitutional Movement and the Baha’is of Iran: The Creation of an ‘Enemy Within’”, *British Journal of Middle Eastern Studies* 39 (3): 328–345.

зом, бабиды вскоре подверглись масштабным гонениям со стороны правящей династии Каджаров¹², что привело к масштабным Бабидским восстаниям в 1848–1852 годах.

В результате открытого конфликта государства с бабидами перемещения его основателя контролировались государством — после нескольких арестов и суда¹³ в 1850 году Баб был казнен в г. Тебриз. Казнь самопровозглашенного пророка радикализировала его последователей и еще сильнее настроила их против правящей династии. Так, в 1850–1852 годах произошли вооруженные столкновения бабидов с представителями силовых структур в Зенджане и Найризе¹⁴. В августе 1852 года было совершено покушение на шаха Насер ад-Дина (1848–1896): попытка оказалась неудачной и, в свою очередь, привела к усилению репрессий против бабидов.

В Иране последователи бабизма подвергались пыткам и казням¹⁵, так что многие из них стремились покинуть страну. Один из ближайших учеников Баба, Мирза Хусейн Али Нури (1817–1892), незадолго до высылки¹⁶ в Османскую империю в 1863 году основал новое вероучение, бахаизм, и объявил себя новым пророком, Бахауллой (Bahā'ullā, перс. «Слава Бога»). Это событие разделило наследников учения Баба на бахаитов, признававших Бахауллу в качестве его преемника, и азалитов, признававших Сей-

¹² Подробнее об обстоятельствах усиления роли духовенства в государстве Каджаров см.: Martin, V. (2005) *The Qajar Pact: Bargaining, Protest and the State in Nineteenth-Century Persia*. London: I. B. Tauris.

¹³ С сентября 1846 года Баб находился под домашним арестом в Исфахане, после чего был перемещен в Тегеран и Тебриз. После этого Баба отправили в г. Маку в провинции Западный Азербайджан. А. Аманат пишет, что из г. Маку Баб был переправлен в цитадель Чахрык по просьбе князя Д. Долгорукова. Автор объясняет мотивацию российского министра беспокойством касательно потенциального распространения бабизма на территории Российской империи ввиду близости Баба к ее границе (Amanat, A. (1989) *Resurrection and Renewal: The Making of the Babi Movement in Iran, 1844–1850*, p. 378. Ithaca: Cornell University Press).

¹⁴ Smith, P. (2013) *A Concise Encyclopedia of the Bahá'í Faith*, pp. 260, 368. London: Oneworld Publications.

¹⁵ Кузнецова Н. А. К истории изучения бабизма и беахаизма в России // Очерки по истории русского востоковедения: сб. Вып. 6. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 91.

¹⁶ В 1862 году Мирза Хусейн Али Нури находился в заключении в Тегеране, однако по просьбе российского посла был освобожден из заключения и выслан в Багдад, что привело к распространению бабизма в Ираке. Инициатива российского посла при освобождении Бахауллы, а также симпатии российских дипломатов и интеллектуалов по отношению к бахаитам и бабидам стали причиной возникновения конспирологических теорий. Подробнее см.: Amanat, A. (1989) *Resurrection and Renewal: The Making of the Babi Movement in Iran, 1844–1850*, p. 378. Ithaca: Cornell University Press.

еда Мирзу Йахью Нури (позднее провозгласившего себя Собх-и-Азаль (Şobh-e Azal, перс. «Утро вечности») в качестве следующего пророка. Появление двух новых религиозных учений, лидеры которых объявили себя преемниками Баба, ознаменовало новый этап в истории бабизма.

Возникновение новой религии в XIX веке вызвало интерес европейских исследователей и наблюдателей. Так, Эдвард Браун (1862–1926), профессор Кембриджского университета, был одним из первых ученых, проявивших интерес и сочувствие к бабизму и бахаизму. Российские дипломаты и исследователи, среди которых — «автор» рассматриваемого текста Дмитрий Долгоруков и А. К. Мирза Казем-бек (1802–1870), также интересовались новыми движениями, отмечая как их религиозную доминанту, так и политический потенциал¹⁷. Под покровительством Российской империи последователи бахаизма переселились в г. Ашхабад, где был воздвигнут первый бахаитский храм. Таким образом, Российская империя (как, впрочем, и Британская) сыграла значимую роль в защите бабидов и бахаитов, что было неоднозначно воспринято иранскими религиозными кругами и подготовило почву для возникновения конспирологических теорий.

В период правления династии Пехлеви (1925–1979) для бахаитов в Иране не воспоследовало значительных улучшений. Государство тем не менее отошло от открытых столкновений и преимущественно использовало тактику бюрократических ограничений деятельности последователей этой религии. Отсутствие легального статуса бахаитского движения в Конституции 1906 года в Иране сделало невозможным вступление в брак и занятие ряда государственных и военных должностей. Помимо этого, в 1930-х годах власти частично закрыли бахаитские школы и запретили издание бахаитской литературы¹⁸. Следовательно, открытый конфликт Каджаров с бабидами и бахаитами трансформировался в политику государственных ограничений деятельности бахаитов при монархах Пехлеви. Несмотря на растущую численность последователей бахаизма, при Реза-шахе движению не удалось заручиться поддержкой государства или модернистов. В этот период иранское общество настроилось против бахаитов из-за закрепившейся ассоциации

¹⁷ Подробнее об этом см.: Кузнецова Н. А. К истории изучения бабизма и бахаизма в России.

¹⁸ Momen, M. (2005) "The Babi and Baha'i Community of Iran: A Case of 'Suspended Genocide'?", *Journal of Genocide Research* 7 (2): 223–224.

с американскими проповедниками¹⁹. Таким образом, движение бахаитов в Иране подвергалось постепенному очуждению: само течение не имело официального статуса, деятельности последователей препятствовало государство, а в обществе бахаиты все чаще ассоциировались с иностранным влиянием.

Иранское общество в 1940-е годы

Исследуемое издание «Мемуаров князя Долгорукова» увидело свет в 1943 году, когда Иран, как говорилось выше, находился под англо-советской оккупацией. Отречение Реза-шаха, с одной стороны, показало степень влияния иностранных государств на внутреннюю политику страны, а с другой — способствовало началу политической оттепели²⁰. Другими словами, иранское общество в условиях оккупации и навязанной смены власти вновь задумалось о ключевых вопросах иранской идентичности. В это время наблюдалась радикализация националистического дискурса — националисты открыто выступали с осуждением иностранного присутствия. Либерализация общественной жизни и политическая нестабильность способствовали усилению общественных дискуссий и тем самым создавали благоприятную почву для распространения различных идей (в том числе конспирологических теорий).

Подобную общественную атмосферу британский дипломат Ридер Баллард в 1941 году описывает в своем донесении:

Как обычно, персы пытаются переложить ответственность с себя на кого-то другого: по их мнению, судьба Персии зависит не от действий самих персов, а от того, как отреагирует Великобритания на требо-

¹⁹ MacEoin, D. M. (1988) “Baháism vii. Baháí Persecutions”, *Encyclopaedia Iranica*, December 15. [https://www.iranicaonline.org/articles/baháism-index/baháism-vii/, accessed on 15.11.2025].

²⁰ Отречение Реза-шаха вызвало смешанные реакции. С одной стороны, отмечалось облегчение, связанное с ослаблением роли государства в общественной жизни, вслед за отречением Резы Пехлеви были освобождены фигуранты «процесса пятидесяти трех», которые 2 октября 1941 года основали коммунистическую партию «Туде». Подробнее об этом см.: Abrahamian, E. (1999) *Tortured Confessions: Prisons and Public Recantations in Modern Iran*, pp. 29, 73–77. Berkeley: University of California Press. С другой стороны, отречение Реза-шаха вызвало негативную реакцию на иностранное вмешательство и активировало гегелевское «несчастное сознание». Подробнее см.: Ansari, A. M. (2012) *The Politics of Nationalism in Modern Iran*, pp. 113–117. Cambridge: Cambridge University Press.

вания России в Европе, и, в меньшей степени, от Америки. Сейчас взволнованные глаза персов обращены на Европу²¹.

В 1940-е годы иранская нация видела себя жертвой политики Великобритании и СССР, что, по замечанию Э. Абрахамяна, стало основой возникших в стране конспирологических теорий²². В случае с «Мемуарами князя Долгорукова» наличие повторяющихся прецедентов иностранного вмешательства (наиболее примечательные — выдача Великобритании табачной (1890) и нефтяной (1901) концессий, договор о разделе Персии на сферы влияния (1907))²³ выстраивало нарратив о продолжительности иностранной угрозы. Заметные сходства современного контекста с сюжетной линией «Мемуаров», в логике которой российский посол стоял за возникновением новых религиозных течений в Иране с целью ослабления государства, способствовали легитимации конспирологической теории в глазах иранского общества. Иначе говоря, историческая вовлеченность СССР (и Российской империи) и Великобритании в иранскую политику, контроль союзников над правящей династией Пехлеви, их действия на территории Ирана реактивировали травму в обществе, а определенные совпадения в событийном ряду сделали прошлое вновь актуальным.

Таким образом, «Мемуары князя Долгорукова» активно обсуждались в публичном пространстве оккупированного Ирана, поскольку предлагали готовую схему интерпретации травмирующего опыта иностранного присутствия. Конспирология оказалась к месту, когда общество искало причины своих бедствий не во внутренних проблемах, а в перманентности иностранной угрозы, образ которой последовательно проецировался из XIX века в современность. Наконец, документ переосмысливал национальную идентичность, противопоставляя «подлинную» религиозно-национальную общность внешним оккупантам

²¹ British Library: India Office Records and Private Papers (1945) 'PERSIA — INTERNAL (Miscellaneous despatches)', IOR/L/PS/12/564, folios 10–11 (Sir R. Bullard to Mr. Bevin, 13 August 1945). Qatar Digital Library. [https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_10000000517.0x00011a, accessed on 15.11.2025].

²² Подробнее см.: Abrahamian, E. (1993) *Khomeinism: Essays on the Islamic Republic*. Berkeley: University of California Press.

²³ Подробнее см.: Cronin, S. (ed.) (2013) *Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions since 1800*. London: Routledge; Matthee, R., Andreeva, E. (eds) (2018) *Russians in Iran: Diplomacy and Power in the Qajar Era and Beyond*. London: Bloomsbury Publishing.

и внутренним «агентам влияния», предлагая тем самым основу для консолидации в момент острого политического кризиса. При помощи данной стратегии конспирологическая теория выходила за рамки антибабидской и антибахайтской риторики и становилась интересной для более широкой аудитории. «Мемуары князя Долгорукова» стали отражением актуального в 1940-е годы общественного дискурса, соединив в себе националистические, расистские и исламистские идеи.

Нарратив национального предательства: конструирование образа врага

Одной из главных составляющих конспирологии «Мемуаров князя Долгорукова» является разделение действующих лиц по принципу бинарной оппозиции «свой-чужой». В логике документа к «своим» причисляются неравнодушные к судьбе страны члены иранского общества, осознающие пагубное влияние иностранцев и пытающиеся противодействовать внешней угрозе. Однако в нарративе «Мемуаров» все инициативы «своих» безрезультатны, поскольку «свои» не могут конкурировать с «чужими». Таким образом, одной из составляющих конспирологической теории «Мемуаров» является виктимизация Ирана.

«Мемуары князя Долгорукова» разделяют «чужих» на внешних и внутренних, различными способами показывая скоординированный характер их действий. В то время как к внешним «чужим» относится непосредственно князь Долгоруков, Российская и Британская империи, внутренние «чужие» представлены бабидами и бахайтами, а также правящей династией Каджаров, иранскими религиозными деятелями и шпионами князя Долгорукова. В нарративе «Мемуаров» каджарские правители по собственной воле согласовывали с Российской империей политические решения²⁴. В то же время Баб представляется слабовольным и постоянно находившимся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения человеком²⁵, что делает его объектом политических манипуляций Российской империи. Не только основатель религии, но и другие внутренние «чужие» были введены в заблуждение князем Долгоруковым и его пособниками. При этом Бахаулла изображен наи-

²⁴ *Yāddāshthā-ye Knyāz Dolgoruki* (1943), p. 14.

²⁵ *Ibid.*, p. 33.

более преданным информатором князя, добровольно доносившим на «своих»²⁶. Таким образом, в документе утверждается, что в различных слоях иранского общества присутствовали агенты, вольно или невольно оказывавшие содействие Великобритании и России.

Так, Ахмад Гиляни²⁷, представляя «своих», предпринимает попытку организации заговора с целью отстранения от власти зависимого от России Мохаммед-шаха Каджара. Однако князь Долгоруков при помощи шпионов раскрывает заговор и информирует об этом правителя, после чего с помощью связей князя Ахмад Гиляни оказывается устранен²⁸. Конспирология в данном отрывке носит тотальный характер: подчеркивает вездесущность и всеильность «чужих» и показывает слабость и несамостоятельность иранской нации, которая предстает беспомощной жертвой эксплуатационной политики России и Великобритании.

Автор «Мемуаров князя Долгорукова» утверждает, что иностранные государства заинтересованы в разобщении иранской нации, в связи с чем их агенты дают начало новым религиозным движениям, а также строят заговоры против видных иранских деятелей. При этом данные страны относятся пренебрежительно к Ирану, который является лишь буферным государством в противостоянии России и Великобритании. Об этом свидетельствует фрагмент документа, в котором Россия отказывается от выдвинутой ранее претензии на Афганистан и Герат во избежание эскалации конфликта с Великобританией²⁹:

Сам министр иностранных дел выступил против [...] заявив, что сегодня не следует выступать против британского правительства. В результате иранское правительство в отчаянии было вынуждено отка-

²⁶ Ibid., p. 41.

²⁷ Хаким Ахмад Гиляни — иранский чиновник, у которого, согласно тексту «Мемуаров», собирались различные представители тегеранского общества, включая Д. Долгорукова и Бахаулла. Подробнее см.: Masumian, A. (2009) "Debunking the Myths: Conspiracy Theories on the Genesis and the Mission of the Bahá'í Faith", *Baha'i Studies Review* 15: 32.

²⁸ *Yāddāshthā-ye Knyāz Dolgoruki* (1943), pp. 17, 20.

²⁹ История российских притязаний на территории Центральной Азии берет начало с правления Петра I (1672–1725). Так, к концу первой половины XIX века Афганистан стал зоной столкновения интересов Британской и Российской империй. Аннексия Мерва в 1884 году послужила финальным поводом для эскалации напряжения, из-за чего военное столкновение империй к 1885 году казалось неизбежным. Подробнее см.: Rodenbough, T. F. (2020) *Afghanistan and the Anglo-Russian Dispute*. The Library of Alexandria.

заться от завоеваний, понесло большие потери и вывело иранскую армию с афганской территории³⁰.

Таким образом, действия иностранных государств взаимосвязаны, однако не последовательны, что приводит к существенным финансовым и политическим потерям для Ирана.

Помимо нарратива эксплуатации, «Мемуары» выдерживают линию пренебрежительного отношения России к Ирану. Это проявляется в эпизоде, когда Д. Долгоруков по возвращении в Россию играет в театрализованном представлении об Иране для Александра II. Данная постановка помогает князю заручиться поддержкой царя и демонстрирует карикатурное ориенталистское восприятие «Востока» в Российской империи: «В присутствии императора я пародировал иранских улемов и посохом бил свою супругу, она же издавала звуки, похожие на вопли шакала»³¹. Таким образом, в документе подчеркивается низкий уровень культуры, а также неуважительное отношение российского императора к исламу³².

На первый взгляд кажется, что «Мемуары князя Долгорукова» целенаправленно подчеркивают причастность России к возникновению бабизма и бахаизма в Иране. При более детальном анализе становится очевидно, что образ царской России и ее чиновников, за исключением вышеупомянутого фрагмента, в документе слабо проработан. Другими словами, в «Мемуарах» не формируется образ внешнего «чужого», вместо этого исключительно подробно описываются приемы, используемые внешними «чужими» для ослабления Ирана: ассимиляция с иранским обществом, вербовка шпионов и поиск союзников, создание и финансирование религиозных течений. А. Ашраф также утверждает, что в различных интерпретациях документа вместо Российской империи фи-

³⁰ *Yāddāshthā-ye Knyāz Dolgoruki* (1943), p. 30.

³¹ *Ibid.*, p. 28.

³² Руди Маттее указывает, что подобная стереотипизация берет свое начало в иранской мифологии и коранических сюжетах о Йаджудже и Маджудже (библейские Гог и Магог) о грубых и недалеких людях, проживавших на севере и отделенных от цивилизованных земель ислама стеной. При Сефевидях в результате взаимодействия иранцев с казаками и торговыми миссиями подобное восприятие еще в большей степени укоренилось. Подробнее см.: Matthee, R. (2012) "Facing a Rude and Barbarous Neighbor: Iranian Perceptions of Russia and the Russians from the Safavids to the Qajars", in A. Amanat, F. Vejdani (eds) *Iran Facing Others: Identity Boundaries in a Historical Perspective*, pp. 103, 109, 117. New York: Palgrave Macmillan.

гурирует Великобритания или даже США³³. При этом образы России и Британии в «Мемуарах» имеют определенное сходство: обе державы руководствуются идентичными соображениями и применяют схожие тактики. Из этого следует, что антиимпериалистический политический контекст не требовал построения конкретного образа внешнего «чужого».

Из нарратива «Мемуаров князя Долгорукова» очевидно, что частью иранской национальной идентичности является культурная травма иностранного вмешательства. Нарратив виктимизации в «Мемуарах» отражает начальную стадию проработки культурной травмы. В свою очередь, разделение действующих лиц «Мемуаров» в соответствии с оппозицией «свой-чужой» говорит о попытке автора сформировать образ нации-жертвы, а также настроить сообщество против внутренних и внешних «чужих». Мина Йаздани выдвигает тезис о том, что кристаллизация внешних и внутренних «чужих» способствует формированию иранской идентичности³⁴. Внутренние «чужие» определялись с целью очуждения определенных социальных групп, а также мобилизации иранского общества против них. В свою очередь, внешние «чужие» связаны с тенденцией виктимизации Ирана. Так, успехи Д. Долгорукова объясняются подкупом как представителей Каджаров, так и придворных, а также религиозных деятелей³⁵. Таким образом, связь внешних и внутренних «чужих» объединяет два элемента нарратива конспирологической теории.

Анализ националистического нарратива «Мемуаров князя Долгорукова» позволяет заключить, что виктимизация Ирана является ключевым элементом конспирологической теории в документе. В «Мемуарах» подчеркивается тотальный и неизбежный характер иностранного вмешательства — империалистические силы (Россия и Великобритания) и их внутренние агенты (бабиды, бахаиты, клерикалы, каджарские правители) ведут скоординированные действия. При этом образ внешнего врага намеренно лишен конкретных черт и сводится к набору эксплуатационных практик,

³³ Разумеется, причастность США к возникновению бабизма и бахаизма не упоминается ни в одной из письменных версий документа, однако такая версия была изобретена уже после Исламской революции 1979 года. Подробнее см.: Ashraf, A. (1992) "Conspiracy Theories", in *Encyclopaedia Iranica*. Vol. VI, Fasc. 2, pp. 138–147. [<https://www.iranicaonline.org/articles/conspiracy-theories/>, accessed on 15.11.2025].

³⁴ Yazdani, M. (2011) "The Confessions of Dolgoruki: Fiction and Masternarrative in Twentieth-Century Iran", p. 42.

³⁵ *Yāddāshthā-ye Knyāz Dolgoruki* (1943), p. 21.

что делает нарратив применимым к различным историческим контекстам. В свою очередь, внутренние «чужие» определяются двумя способами: добровольное желание примкнуть к внешним «чужим» из корыстных убеждений и внушенная иностранными агентами вера в изменение общества. Таким образом, «Мемуары» инструментализировали эгоизм и стремление к преобразованию общества в качестве механизмов очуждения различных членов иранского общества.

Нарратив исключительности как инструмент культурной изоляции

Наряду со шпиономанией в «Мемуарах князя Долгорукова» получает развитие идея исключительности иранской нации, основанная на логике культурного шовинизма, отчасти приобретающего расистские черты. Прежде мы упоминали, что в нарративе документа основой национального благополучия представлялось единство нации. Однако не менее важной составляющей этого нарратива является предотвращение любого иностранного влияния, которое сравнивается с «инойродной субстанцией в теле человека» и разрушает национальную идентичность³⁶. Сталкиваясь с чуждыми явлениями, «тело нации» попадает под их пагубное влияние и лишается исходной чистоты. Наиболее ярким доказательством данного тезиса служит интерпретация автором документа периода эллинистического влияния в Иране после завоеваний Александра Македонского:

Затем группа греков, которые до этого были презираемы и подавлены иранцами, захватила Иран. Разногласия и лицемерие распространились в Иране до такой степени, что иранцы стали считать своей гордостью ведение переписки на греческом языке и грекоподражание (*yupānitāyi*). После смерти Александра Македонского парфянская династия не смогла искоренить это нравственное влияние и греческие обычаи, которые были подобны яду для Ирана³⁷.

В этом фрагменте раскрывается идея неизбежного упадка, следующего за любым иноземным вторжением, которое уподобляется

³⁶ Ibid., p. 8.

³⁷ Ibid., p. 8.

яду, а культурная ассимиляция описывается как признак не только национального, но и нравственного кризиса. В нарративе «Мемуаров князя Долгорукова» эта идея косвенно проецируется на движения бабизма и бахаизма в Иране: они представляются не продуктом иранского общества, а сконструированной иностранцами идеологией, искусственно внедренной с целью нарушения первоначальной целостности иранской нации.

Размышления о влиянии иностранных государств на иранскую нацию встречались среди иранских интеллектуалов XIX–XX веков. Так, иранские политические деятели и публицисты Таги Арани (1902–1940) и Ахмад Кесрави (1890–1946) были сторонниками идеи языкового пуризма, отмечая пагубное влияние заимствований на персидский язык³⁸. Помимо этого, один из идеологов Конституционного движения 1905–1911 годов в Иране, видный политик, общественный деятель и ученый Сейед Хасан Тагизаде (1878–1970) отрицал вклад иностранных держав (особенно Великобритании) в успех конституционалистов. Более того, он отвергал какое-либо влияние бабидов на иранскую нацию³⁹. Али Ансари объясняет сложившуюся ситуацию долгим периодом зависимости Ирана от иностранных государств во время правления династии Каджаров. За ним последовал период национального пробуждения, когда иранские интеллектуалы стремились обрести независимость и возвысить нацию, отвергая или минимизируя иностранное влияние⁴⁰. Однако в «Мемуарах» наблюдается более радикальное прочтение этих идей, согласно которому смешение культур приводит к утрате идентичности и рассматривается как акт насилия иностранных государств над иранской нацией. Данную идею можно рассматривать как часть нарратива виктимизации.

Помимо этого, нарратив «Мемуаров князя Долгорукова» находился под влиянием «арийского мифа» о происхождении иранской нации, получившего широкое распространение в период правления династии Пехлеви и ставшего частью идеологии. Приход к власти Реза-шаха в 1925 году ознаменовал начало эпохи «государственно-

³⁸ Abrahamian, E., Alavi, B. (2013) “Arānī, Taqī”, in *Encyclopaedia Iranica*. Vol. II, Fasc. 3, pp. 263–265. [<https://www.iranicaonline.org/articles/arani-taqi>, accessed on 15.11.2025]; Manafzadeh, A. (2012) “Kasravi, Ahmad I. Life and Work”, in *Encyclopaedia Iranica*. Vol. XVI, Fasc. 1, pp. 87–92. [<https://www.iranicaonline.org/articles/kasravi-ahmad-i-life-and-work>, accessed on 15.11.2025].

³⁹ Ansari, A. M. (2012) *The Politics of Nationalism in Modern Iran*, p. 46. Cambridge: Cambridge University Press.

⁴⁰ *Ibid.*, pp. 36–37.

го национализма» — правитель и его советники сознательно делали ставку на нарратив об исключительности иранской нации и самоценности ее древней истории. При этом в своих идеологических конструкциях правители династии Пехлеви выступали своего рода преемниками власти первой иранской династии Ахеменидов, легитимируя тем самым свое правление⁴¹. В то же время «арийский миф» в «Мемуарах князя Долгорукова» находит альтернативное прочтение. Идея о великом прошлом Ирана преподносится в комбинации с осуждением иностранного вмешательства и становится частью нарратива виктимизации Ирана, «лишенного былого величия последователями христианства, маздакизма и иудаизма»⁴².

Таким образом, нарратив исключительности иранской нации в «Мемуарах князя Долгорукова» выполняет двойную функцию. Во-первых, он продолжает развивать идею очуждения бабидов и бахаитов как пагубного для иранской нации явления, созданного внешними силами. Во-вторых, подобные идеи призваны подтвердить главный вывод документа с «исторической» точки зрения. В этом смысле не только бабизм и бахаизм, но и любые агенты иностранного влияния в принципе угрожают целостности иранской нации и ее исконной чистоте. В условиях иностранной оккупации 1940-х годов этот текст превращался в мощный инструмент консолидации общества, с одной стороны, и распространения конспирологических теорий — с другой.

Нарратив исламского единства как основы национальной силы

Рассуждения о новых религиозных течениях приводят автора к более масштабным вопросам, в частности к идее недопустимых новшеств в религии и возврата к первоначальному исламу. Поскольку бабизм и бахаизм в рамках исламской доктрины рассматриваются как отступничество (а их популярность и политическая деятельность вызывали тревогу у представителей мусульманского духовенства), то справедливо предположить, что их деятельность воспринимается не только как антигосударственная, но и антиисламская.

⁴¹ Ibid., pp. 110–197.

⁴² *Yāddāshthā-ye Knyāz Dolgoruki* (1943), p. 9.

Одна из сюжетных составляющих «Мемуаров князя Долгорукова» — дискуссии Дмитрия Долгорукова с представителями духовенства в доме вышеупомянутого Ахмада Гиляни⁴³. В этих сценах российский дипломат познаёт иранскую идентичность и постепенно внедряется в общество, вербуя информаторов для реализации последующей миссии. Так, в одной из бесед утверждается, что ислам в первоначальном виде объединял иранскую нацию, уравнивал членов общества и служил залогом благополучия Ирана. При этом ислам представляется универсальной религией:

Эта религия предназначена для жителей земли, а не только для арабов. Однако враги ислама, эгоистичные и амбициозные правители, создали в нем лицемерие и превратили истинное братство во вражду, а любовь и единобожие — в двойственность (*do'iyat*) и лицемерие (*nifāq*)⁴⁴. И эти различия стали причиной несчастья и поражения ислама⁴⁵.

Таким образом, в документе наблюдается попытка рефлексии над идеями основоположников иранского национализма, Фатхали Ахундзаде и Мирзы Ага Хана Кермани (1854–1896), считавших ислам чуждой для иранского общества религией, привнесенной арабами. Отделяя ислам от деятельности внешних «чужих», автор «Мемуаров князя Долгорукова» предпринимает попытку преодолеть так называемый «дезориентирующий национализм» Кермани и Ахундзаде, прославлявший доисламское прошлое и очуждавший ислам и его наследие⁴⁶. В своем стремлении сблизить радикальные националистические нарративы с религиозными «Мемуары

⁴³ В иранской литературе существует отдельный жанр дебатов (*munāzara*), ключевую роль в развитии которого сыграли персидские придворные поэты. Асади Туси (999–1072/73) — автор коллекции дебатов, один из которых носит название «Дебаты между арабами и иранцами». Подробнее см.: Melville, F. (2020) “Debate in Iranian Literary Culture”, in E. Jiménez, C. Mittermayer (eds) *Disputation Literature in the Near East and Beyond*, pp. 237–259. Berlin: De Gruyter.

⁴⁴ Концепция религиозного «лицемерия» (*nifāq*) восходит к кораническому контексту, где играет важную роль. Подробнее об этом см.: Lamprey, J. T. (2016) *Never Wholly Other: A Muslima Theology of Religious Pluralism*, p. 134. New York: Oxford University Press.

⁴⁵ *Yāddāshthā-ye Knyāz Dolgoruki* (1943), p. 9.

⁴⁶ Автором термина «дезориентирующий национализм» является Реза Зиа-Эбрахими, анализирующий работы иранских интеллектуалов эпохи Каджаров, стоявших у истоков формирования иранского национализма. См.: Zia-Ebrahimi, R. (2016) *The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation*. New York: Columbia University Press.

князя Долгорукова» делают ислам частью иранской национальной идентичности.

В продолжении дискуссии автор текста поясняет, что религия не может адаптироваться к условиям современного мира. Таким образом, соблюдение традиций постулируется как важное условие благополучия⁴⁷. В свою очередь, религиозное разнообразие представляется фактором нестабильности: возникновение новых течений в Сасанидской империи, по мнению автора, приводит в итоге к падению государства⁴⁸. Кроме того, новые интерпретации религиозных текстов ведут к разобщению нации и усилению неравенства в обществе. Другими словами, любая идея религиозного новшества в нарративе «Мемуаров князя Долгорукова» представляется исключительно маргинальной.

Все вышеперечисленные идеи характерны для идеологии фундаментализма, которая получила распространение в исламском мире. К числу последователей фундаментализма относят салафитов, выступающих с призывами ориентироваться на образ жизни пророка Мухаммада и его сподвижников, а также обычаи ранней мусульманской общины⁴⁹. Подобная риторика возникала как ответная реакция представителей исламского духовенства на вызов модерности, а также попытки вестернизации общества⁵⁰. Западным новшествами, которые считались недопустимыми и приводили к усилению общественного неравенства, противопоставлялось возрождение ислама. Поэтому можно считать, что идеология фундаментализма, нашедшая отражение в «Мемуарах князя Долгорукова», прочно связана с травмой от иностранного вмешательства, а виновными в кризисе автор произведения называет единоверцев, идущих на компромиссы с иностранцами и одновременно с этим предающих интересы «истинного ислама». В нарративе «Мемуаров» виновной в глубоком кризисе в иранском обществе считается правящая династия Каджаров, а также представители религиозного истеблишмента. Таким образом, поиск внутреннего «чужого»

⁴⁷ *Yāddāshthā-ye Knyāz Dolgoruki* (1943), p. 10.

⁴⁸ *Ibid.*, pp. 8–9.

⁴⁹ Wagemakers, J. (2016) “Salafism”, in *Oxford Research Encyclopedia of Religion*. Oxford University Press. [<https://oxfordre.com/religion/view/10.1093/acrefore/9780199340378.001.0001/acrefore-9780199340378-e-255>, accessed on 15.11.2025].

⁵⁰ Malmir, H., Amini, A. A., Puryousefi, H. (2022) “A Comparative Study of Political Islam with Modernity in the First Pahlavi Era with a Discourse Approach”, *Iranian Journal of Educational Sociology* 5 (1): 44–45.

был также связан с возникшим кризисом исламской идентичности в Иране. При этом в 1940-х годах вопрос о роли религии в иранском обществе стоял не менее остро: в условиях государственной политики «авторитарной модернизации» Резы Пехлеви, а также усиления контроля над духовенством, ислам и религиозные деятели столкнулись с новым вызовом.

Наряду с фундаментализмом «Мемуары князя Долгорукова» сообщают идеи панисламизма. Так, религия в документе представляется моральным регулятором, обеспечивающим равенство всех членов общества. Помимо этого, ислам объединяет представителей различных наций, стирая разногласия между ними⁵¹. Схожие идеи выражались в трудах мусульманского деятеля Джамала ад-Дина ал-Афгани (1839–1897)⁵². Так, ал-Афгани утверждал, что ислам предполагает абсолютное социальное равенство и единство мусульман, будучи универсальным для всех национальностей. Ответственность за текущее состояние ислама богослов также возлагал на конкретных людей, искаживших первоначальные устои⁵³. Помещая данную риторику в мировой контекст, ал-Афгани позиционировал равенство в исламе как ответ западному материализму. Стоит отметить, что последний издатель «Мемуаров князя Долгорукова», Абулькасим Мараши, был знаком с трудами богослова, поскольку в его издательстве выходила политическая биография данного автора.

Может показаться парадоксальным, что наряду с панисламистскими идеями Мараши также выражает открытую симпатию к СССР, четко разделяя политику Советского Союза и царской России⁵⁴. Осведомленность издателя о Советском Союзе проявляется

⁵¹ *Yāddāshthā-ye Knyāz Dolgoruki* (1943), p. 9.

⁵² Сейед Джамал ад-Дин ал-Афгани (1839–1897) — идеолог исламского антиколониализма и панисламизма. Ал-Афгани известен критикой мусульманских правил, отказывавшихся идти по пути реформ, а также поддерживавших связи с европейскими государствами. В связи с его радикальными взглядами идеолог в 1891 году был выслан из Ирана. При этом один из последователей идеолога, Мирза Реза Кермани, в 1896 году убил шаха Насер ад-Дина. Подробнее см.: “Jamāl al-Dīn al-Afghānī” (1971), in *The Encyclopaedia of Islam, New Edition*. Vol. 2, pp. 416–417. Leiden: E. J. Brill; Amin, C. M. (2015) “The Press and Public Diplomacy in Iran, 1820–1940”, *Iranian Studies* 48 (2): 273.

⁵³ Keddie, N. R. (1972) *Sayyid Jamal ad-Din “al-Afghani”: A Political Biography*, pp. 178–180. Berkeley: University of California Press.

⁵⁴ Позволим себе для удобства повторно сослаться на цитату А. Мараши, ранее приведенную в начале статьи: «Мы утверждаем, что это — вера, которая была дарована Ирану репрессивной политикой царской России (которая пала благодаря твердой воле Ленина, Сталина, рабочих и крестьян)».

как в использованных им формулировках, характерных для государственной пропагандистской риторики («рабочие и крестьяне»), так и в опоре (вполне возможно, через пересказы) на русскоязычные публикации. Со ссылкой на советский журнал «Восток» за 1924–1925 годы в предисловии утверждается, что «Мемуары» были опубликованы в Советском Союзе при содействии некоего религиозно-политического деятеля⁵⁵. В 1925 году в журнале «Восток», выходившем в издательстве «Всемирная литература» в Петрограде⁵⁶, была напечатана статья Е. Э. Бертельса «Бехаит об истории бехаизма»⁵⁷. Однако в статье не упоминаются ни сам Долгоруков, ни «Мемуары». Вместо этого автор статьи рассматривает работу Мирзы Абд ол-Хосейна Аварэ как важный источник периода возникновения и становления бахаизма⁵⁸, в котором, стоит заметить, никоим образом не отмечено влияние Российской империи на эти процессы. В заключении статьи Бертельс рассуждает о независимых обстоятельствах зарождения этих религиозных течений, которые способствовали их распространению в Иране:

Востоку именно и надо, чтобы учения эти зародились в его лоне, сложились органически, под давлением исторической необходимости, — так, как это совершилось на Западе; только тогда эти учения могут рассчитывать на успех, могут со временем стать могучим фактором в культурном развитии, каким несомненно суждено стать бехаизму⁵⁹.

Следовательно, позиция автора предисловия об идеологической природе бабизма и бахаизма существенно отличалась от цитируемой им статьи. Так, издатель Абулькасим Мараш, с одной стороны, стремится изобличить природу возникновения движений в Иране, а с другой — «создать источниковую базу» для распространяемой им конспирологической теории.

Парадоксальное, на первый взгляд, сочетание в документе идей исламского возрождения и определенной симпатии к политике Советского Союза может тем не менее пролить свет на личность пред-

⁵⁵ *Yāddāshthā-ye Knyāz Dolgoruki* (1943), p. 2.

⁵⁶ При этом в предисловии приводится неверная информация о том, что журнал выпускался под эгидой Народного комиссариата иностранных дел СССР.

⁵⁷ *Бертельс Е. Э.* Бехаит об истории бехаизма // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. 5. М.; Петербург: Всемирная литература, 1925. С. 202–207.

⁵⁸ Там же. С. 202.

⁵⁹ Там же. С. 206.

полагаемого автора, о чем в исследовательской литературе существует ряд гипотез. Так, А. Аманат и Т. Атабаки считают, что текст был создан в кругах иранского духовенства в Куме⁶⁰. М. Йаздани также предпринимает попытки конкретизации личности автора, обращая внимание на иранского конституционалиста из Зенджана, шейха Ибрахима Зенджани, и называя его основным кандидатом. В подтверждение своей точки зрения Йаздани указывает, что антиклерикальная и антибахайтская позиция в других работах Зенджани во многом совпадает с нарративом «Мемуаров князя Долгорукова»⁶¹. При этом исследователь признает, что документ многократно редактировался, поэтому к различным версиям «Мемуаров» приложили руку разные редакторы, что объясняет определенные противоречия в дискурсе документа⁶². Однако эти кажущиеся противоречия могут быть не свидетельством многократных редакций, а отражением сложной идеологии его авторов. В связи с этим мы можем предполагать, что в создании финальной версии документа мог принимать и его издатель Абулькасим Марашаи.

Политическая неопределенность в 1921–1925-е годы создала благоприятные условия для советской пропаганды в Иране. Большевики видели в исламе эффективный инструмент распространения коммунистической идеологии, парадоксальным образом стремясь стать его покровителями. В советской риторике 1920-х годов признавалась значимость националистических движений и панисламизма для политической борьбы на Востоке⁶³. В поисках союзников большевистские идеологи обратили свое внимание на оппозиционных представителей духовенства, подчас выражавших антиколониальные взгляды. По мнению А. Шабловской, в начале 1920-х годов среди советских чиновников сохранялось преимущественно негативное отношение к иранским клерикалам. Подобная позиция была обусловлена логикой марксизма, в которой религиозные деятели распространяли феодальный порядок и препятствовали вовлечению народа в политику. Несмотря на попытки

⁶⁰ Amanat, A. (2005) *Resurrection and Renewal: The Making of the Babi Movement in Iran, 1844–1850*, p. xix. Los Angeles: Kalimat Press; Atabaki, T. (2009) *Iran in the 20th Century: Historiography and Political Culture*, p. 50. London: I. B. Tauris.

⁶¹ Yazdani, M. (2011) “The Confessions of Dolgoruki: Fiction and Masternarrative in Twentieth-Century Iran”, pp. 43–46.

⁶² Ibid., p. 28.

⁶³ Shablovskaia, A. (2022) “‘Islam Says We Are All Equal’: The Islamic Turn in Soviet Propaganda in Iran, 1921–25”, *Iranian Studies* 55 (4): 976.

большевиков продвигать идеологию марксизма в Иране и проявляемую ими терпимость к исламским институтам, улемы критиковали и советских чиновников, и иранских коммунистов. Это, в свою очередь, вызывало ответную реакцию СССР, и к концу 1920-х годов в пропаганде преобладала антиклерикальная позиция. Однако, несмотря на общее негативное отношение к духовенству (в том числе и к исламскому), в первой половине 1920-х годов Советский Союз поддерживал улемов, согласившихся сотрудничать для борьбы с британским влиянием⁶⁴. В этот период антиколониальная и антибританская позиция представлялась советским пропагандистам более важной, чем клерикальная лояльность.

Одним из антибританских клерикалов, чья деятельность финансировалась советской стороной, был Мохаммед Махди Халесизаде (1890–1963)⁶⁵. Последовательный противник деятельности Резы Пехлеви и британского влияния в регионе, а также сторонник идеи участия духовенства в политике, Халесизаде состоял в переписке с большевиками (сам он говорил о письмах В. И. Ленину) и даже некоторое время был неформальным советским агентом по делам хаджа в Иране⁶⁶. Будучи выходцем из клерикальной семьи (его отец был видным религиозным авторитетом), он занимал непримиримую антибабидскую и антибахайтскую позицию и участвовал в гонениях на последователей этих течений в разных городах Ирана. М. Йаздани в биографической статье утверждает, что Халесизаде самостоятельно или через сторонников мог принимать участие в редактировании финальной версии «Мемуаров князя Долгорукова» 1943 года⁶⁷, упуская при этом из виду, что просоветские настроения проявляются в предисловии к «Мемуарам» (которое написал Мараши). На этом основании мы можем предположить, что Абулькасим Мараши, происходивший из знатного рода религиозных деятелей, был идейно близок к Халесизаде и воспроизводил риторику советской пропаганды, противопоставлявшей политику СССР колониальной экспансии Российской империи.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Подробнее о его биографии и взглядах см.: Yazdani, M. (2015) “Kāleşizāda, Moḥammad b. Moḥammad-Mahdi”, in *Encyclopædia Iranica*, online edition [http://www.iranicaonline.org/articles/khalesizad, accessed on 15.11.2025].

⁶⁶ Кейн А. Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку / пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 236.

⁶⁷ Yazdani, M. (2015) “Kāleşizāda, Moḥammad b. Moḥammad-Mahdi”.

При этом в «Мемуарах князя Долгорукова» также прослеживается антиклерикальная позиция автора. В то время как ислам представляется моральным регулятором отношений в обществе, поступки представителей духовенства подвергаются постоянной критике в документе. Так, муллы изображены пособниками Дмитрия Долгорукова, получавшими денежное вознаграждение за поддержку действий князя. Более того, утверждается, что иранская нация вынужденно принимала бабизм под давлением мулл.

Нашими лучшими союзниками были ахунды, которые оказали нам наибольшее содействие, поскольку каждого, с кем они имели разногласия, объявляли бабидом или бахаитом [...] большинство людей стали бахаитами под воздействием страха перед тиранией ахундов⁶⁸.

Из цитаты следует, что улемы стремились извлечь пользу из государственных репрессий в адрес последователей бабизма и бахаизма, для устранения идеологических оппонентов и упрочения собственного положения в обществе. Таким образом, в документе первоначальный ислам противопоставляется действиям современных представителей духовенства, что иной раз иллюстрирует тезис о возврате к учениям пророка Мухаммада с целью общественного исцеления.

Отражаемая в «Мемуарах» идея антиклерикализма имела определенную популярность среди иранских интеллектуалов времен Резы Пехлеви. Модернистские реформы и секуляризация подорвали авторитет духовенства в иранском обществе 1920–1940-х годов и породили дискуссии, критически осмыслявшие его роль в иранской истории. Ряд общественных деятелей и публицистов стали открыто критиковать религиозных авторитетов за преследование инакомыслия и невежество. В логике, схожей с нарративом документа, А. Кесрави, ранее сам получивший религиозное образование, подчеркивал, что духовенство стремится распространять ислам в обществе только ради наживы, и обвинял его представителей в действиях на благо собственных, а не национальных интересов⁶⁹. Таким образом, «Мемуары князя Долгорукова» встраиваются в об-

⁶⁸ *Yāddāshthā-ye Knyāz Dolgoruki* (1943), p. 44.

⁶⁹ Zarrinnal, N. (2024) "From the Creators of Knowledge to the Specialists of Spirit: Anti-Clericalism in Iran's Modernist Intellectual Discourse (1925–1941)", *Harvard Theological Review* 117 (4): 827.

ществленную дискуссию тех лет, апеллируя и к антиклерикальной аудитории.

Нарратив исламского единства в «Мемуарах князя Долгорукова» служит ключевым инструментом для критики как внешне-го вмешательства, так и демонстрации дезинтеграции иранского общества. При этом возврат к «истинному» исламу представляется залогом национального возрождения. Этот нарратив, сочетающий в себе элементы идеологии фундаментализма и панисламизма, позволяет авторам документа противопоставить религиозную традицию вызовам модерности и вестернизации, возлагая ответственность за кризис на компромиссы правящих и духовных элит с иностранными государствами. В «Мемуарах» сочетание антиклерикальной риторики, разоблачающей нечистое на руку духовенство, с идеализацией жизни первоначальной исламской общины отражает попытки поиска исламской идентичности, вновь обострившиеся в период создания документа. При этом проявление симпатии к политике СССР демонстрирует, как исламистские нарративы могли сочетаться с левой антиимпериалистической повесткой. Все это призвано подчеркнуть, что ислам, согласно «Мемуарам», является многофункциональным идеологическим конструктом, направленным на консолидацию нации перед лицом внутренних и внешних угроз.

Выводы

В данной статье подложные персоязычные «Мемуары князя Долгорукова», изданные в 1943 году в Тегеране, в логике критического дискурса-анализа Н. Фэрклафа рассматриваются как коммуникативное событие, неразрывно связанное с историческим контекстом англо-советской оккупации Ирана. Документ объединил в себе несколько нарративов (антиимпериалистический, исламистский и националистический), отражавших актуальные для иранского общества вопросы. Исследование множественных редакций документа (включая изменения, внесенные Абулькасимом Марашаи) показывает, как конспирологические нарративы 1930-х годов адаптировались к изменениям в общественных настроениях. Анализ лиц, причастных к редакциям «Мемуаров князя Долгорукова», формирует дискурсивную практику в данной статье. Другими словами, гибкость нарратива по отношению к внутри- и внешнеполитическому контексту, а также совокупность актуальных тем, затраги-

ваемых в документе, объясняет новую волну актуализации «Мемуаров» в 1940-е годы.

В основе нарратива «Мемуаров» лежит проработка культурной травмы: колониальная экспансия Российской империи и ее предполагаемая роль в возникновении бабизма и бахаизма обрастают конспирологическими подробностями и становятся своего рода ключом к интерпретации современной оккупации. Иранская нация в логике текста предстает жертвой, лишенной агентности, а виновными оказываются внешние силы и их пособники внутри страны. На этом основании мы утверждаем, что документ отражает начальную стадию проработки травматического опыта представителями определенной социальной группы — шиитского духовенства. Важно отметить, что, с одной стороны, влияние этой группы выходило далеко за пределы религиозных институций, а с другой — их риторика к середине XX века также перестала быть исключительно религиозно-ориентированной и интегрировала антиколониальную и националистическую повестку. Идеи, изложенные в «Мемуарах», в достаточной степени получили осмысление среди иранских интеллектуалов (их, например, критиковал Ахмад Кесрави) и в придворной среде (на них неосознанно ссылался Мохаммед Реза Пехлеви). Иначе говоря, «Мемуары князя Долгорукова», несмотря на их синтетический характер и происхождение из определенного сегмента религиозной среды, имели широкое хождение в самых разных слоях иранского общества на протяжении десятилетий.

Одной из ключевых функций документа является консолидация нации, для достижения которой в «Мемуарах князя Долгорукова» обозначаются границы национальной идентичности в Иране. Обращение к социальной практике — историческому контексту оккупации — позволило интерпретировать бинарную оппозицию «свой-чужой» как инструмент реализации данной цели. Так, в тексте действующие лица поделены на «своих» (разобренная нация, отступившая от «первоначального» ислама) и «чужих» (империалистические государства и их внешние и внутренние агенты). В логике документа связь члена иранского общества с иностранным государством становится основанием для очуждения целых социальных групп — от каджарских правителей до духовенства и последователей бабизма и бахаизма. Таким образом, «Мемуары князя Долгорукова» предлагают готовое решение для иранского общества в период оккупации, взывая к объединению перед лицом внешних и внутренних врагов.

В свою очередь, переплетение нескольких разнонаправленных и разнородных идеологических дискурсов в тексте «Мемуаров» является попыткой конструирования гомогенной иранской национальной идентичности. Риторика исламского фундаментализма (ориентация на образ жизни Пророка и ранней общины) сочеталась с радикальными националистическими идеями о «чистоте» нации и пагубном влиянии иностранного вмешательства. Антиколониальная повестка совмещалась с защитой «чистого» ислама, а религиозная идентичность стала частью национальной — вопреки распространенным среди иранских националистов представлениям об исламе как «иной» религии. Другими словами, конспирологические нарративы документа предоставили готовое решение для идеологических поисков общества в период кризиса и саморефлексии. Может показаться парадоксальным, но историческая недостоверность и синтетический характер текста «Мемуаров» обеспечили ему большую популярность, а его ключевым идеям суждено было закрепиться в общественных дискуссиях на долгое время.

Библиография / References

- Бертельс Е. Э. Бехаит об истории бехаизма // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. 5. М.; Петербург: Всемирная литература, 1925.
- Иванов М. С. Бабидские восстания в Иране (1848–1852). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
- Кейн А. Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку / пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- Кузнецова Н. А. К истории изучения бабизма и бехаизма в России // Очерки по истории русского востоковедения: сб. / АН СССР, Институт народов Азии; [отв. ред. Н. П. Шастина]. Вып. 6. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 89–133.
- Abrahamian, E., Alavi, B. (2013) “Arānī, Taqī”, in *Encyclopaedia Iranica*. Vol. II, Fasc. 3, pp. 263–265. [<https://www.iranicaonline.org/articles/arani-taq>, accessed on 15.11.2025].
- Abrahamian, E. (1993) *Khomeinism: Essays on the Islamic Republic*. Berkeley: University of California Press.
- Abrahamian, E. (1999) *Tortured Confessions: Prisons and Public Recantations in Modern Iran*. Berkeley: University of California Press.
- Alexander, J. C., Eyerman, R., Giesen, B., Smelser, N. J., Sztompka, P. (2004) *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press.

- Amanat, A. (1989) *Resurrection and Renewal: The Making of the Babi Movement in Iran, 1844–1850*. Ithaca: Cornell University Press.
- Amanat, A. (2005) *Resurrection and Renewal: The Making of the Babi Movement in Iran, 1844–1850*. Los Angeles: Kalimat Press.
- Amin, C. M. (2015) “The Press and Public Diplomacy in Iran, 1820–1940”, *Iranian Studies* 48 (2): 269–287.
- Ansari, A. M. (2012) *The Politics of Nationalism in Modern Iran*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ashraf, A. (1992) “Conspiracy Theories”, in *Encyclopaedia Iranica*. Vol. VI, Fasc. 2, pp. 138–147. [<https://www.iranicaonline.org/articles/conspiracy-theories>, accessed on 15.11.2025].
- Atabaki, T. (2009) *Iran in the 20th Century: Historiography and Political Culture*. London: I. B. Tauris.
- Bertels E. E. (1925) “Bahai on the History of Bahaism”, *East. Journal of Literature, Science and Art*, vol. 5. Moscow; Petersburg: World Literature. (In Russian)
- British Library: India Office Records and Private Papers (1945). ‘Persia — Internal (Miscellaneous despatches)’, IOR/L/PS/12/564, folios 10–11 (Sir R. Bullard to Mr. Bevin, 13 August 1945). Qatar Digital Library [https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100000000517.0x00011, accessed on 15.11.2025].
- Butter, M., Reinkowski, M. (eds) (2014) *Conspiracy Theories in the United States and the Middle East. A Comparative Approach*. Berlin; Boston: De Gruyter.
- Cronin, S. (ed.) (2013) *Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions since 1800*. London: Routledge.
- “Jamāl al-Dīn al-Afghānī”, in *Encyclopaedia of Islam, New Edition* (1971). Vol. 2. Leiden: E. J. Brill.
- Fairclough, N. (2013) “Critical Discourse Analysis”, in J. P. Gee, M. Handford (eds) *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*, pp. 9–20. London: Routledge.
- Gook, B., Hoens, D. (2022) “Alienation”, in C. Neill, E. Vanheule (eds) *The Marx Through Lacan Vocabulary: A Compass for Libidinal and Political Economies*. London: Routledge.
- Ivanov, M. S. (1939) *Babid Uprisings in Iran (1848–1852)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences Publishing House. (In Russian)
- Kane, A. (2021) *The Russian Hajj: Empire and Pilgrimage to Mecca*. Moscow: New Literature Review. (In Russian)
- Kasravi, A. (1943) *Bahā'igari*. Tehran. (In Persian)
- Keddie, N. R. (1972) *Sayyid Jamal ad-Din “al-Afghani”: A Political Biography*. Berkeley: University of California Press.
- Kuznetsova, N. A. (1963) “On the History of the Study of Babism and Bahaism in Russia”, in *Essays on the History of Russian Oriental Studies*. Vol. 6, pp. 89–133. Moscow: East Literature Publishing House. (In Russian)

- Lamprey, J. T. (2016) *Never Wholly Other: A Muslima Theology of Religious Pluralism*. New York: Oxford University Press.
- MacEoin, D. M. (1988) "Bahá'ism vii. Bahá'í Persecutions", in *Encyclopaedia Iranica*, December 15 [<https://www.iranicaonline.org/articles/bahaism-index/bahaism-vii>], accessed on 15.11.2025].
- Malmir, H., Amini, A. A., Puryousefi, H. (2022) "A Comparative Study of Political Islam with Modernity in the First Pahlavi Era with a Discourse Approach", *Iranian Journal of Educational Sociology* 5 (1): 33–50.
- Manafzadeh, A. (2012) "Kasravi, Ahmad I. Life and Work", in *Encyclopaedia Iranica*. Vol. XVI, Fasc. 1, pp. 87–92 [<https://www.iranicaonline.org/articles/kasravi-ahmad-i-life-and-work>], accessed on 15.11.2025].
- Martin, V. (2005) *The Qajar Pact: Bargaining, Protest and the State in Nineteenth-Century Persia*. London: I.B. Tauris.
- Masumian, A. (2009) "Debunking the Myths: Conspiracy Theories on the Genesis and Mission of the Bahá'í Faith", *Bahá'í Studies Review* 15: 79–95.
- Matthee, R. (2012) "Facing a Rude and Barbarous Neighbor: Iranian Perceptions of Russia and the Russians from the Safavids to the Qajars", in A. Amanat, F. Vejdani (eds) *Iran Facing Others: Identity Boundaries in a Historical Perspective*, pp. 99–124. New York: Palgrave Macmillan.
- Matthee, R., Andreeva, E. (eds) (2018) *Russians in Iran: Diplomacy and Power in the Qajar Era and Beyond*. London: Bloomsbury Publishing.
- Melville, F. (2020) "Debate in Iranian Literary Culture", in E. Jiménez, C. Mittermayer (eds) *Disputation Literature in the Near East and Beyond*, pp. 237–259. Berlin: De Gruyter.
- Momen, M. (2005) "The Bábí and Bahá'í Community of Iran: A Case of 'Suspended Genocide'?", *Journal of Genocide Research* 7 (2): 221–241.
- Momen, M. (2012) "The Constitutional Movement and the Bahá'ís of Iran: The Creation of an 'Enemy Within'", *British Journal of Middle Eastern Studies* 39 (3): 328–345.
- Mottahedeh, N. (1998) "Mutilated Body of the Modern Nation", *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East* 18 (2): 38–50.
- Rodenbough, T. F. (2020) *Afghanistan and the Anglo-Russian Dispute*. The Library of Alexandria.
- Shablovskaia, A. (2022) "'Islam Says We Are All Equal': The Islamic Turn in Soviet Propaganda in Iran, 1921–25", *Iranian Studies* 55 (4): 971–996.
- Shahvar, S., Morozov, B., Gilbar, G. (eds) (2011) *Bahá'ís of Iran, Transcaucasia and the Caucasus. Volume 1: Letters of Russian Officers and Officials*. London: I. B. Tauris.
- Smith, A. D. (1992) "National Identity and the Idea of European Unity", *International Affairs* 68 (1): 55–76.
- Smith, P. (2013) *A Concise Encyclopedia of the Bahá'í Faith*. London: Oneworld Publications.

- Van Prooijen, J.-W., Douglas, K. M. (2017) “Conspiracy Theories as Part of History: The Role of Societal Crisis Situations”, *Memory Studies* 10 (3): 323–333.
- Wagemakers, J. (2016) “Salafism”, in *Oxford Research Encyclopedia of Religion*. Oxford University Press. [<https://oxfordre.com/religion/view/10.1093/acrefore/9780199340378.001.0001/acrefore-9780199340378-e-25>, accessed on 15.11.2025].
- Yāddāshthā-ye Knyāz Dolgoruki* (1943). Tehran. (In Persian)
- Yazdani, M. (2011) “The Confessions of Dolgoruki: Fiction and Masternarrative in Twentieth-Century Iran”, *Iranian Studies* 44 (1): 49–67.
- Yazdani, M. (2015) “Kāleşizāda, Moḥammad b. Moḥammad-Mahdi”, *Encyclopædia Iranica*, online edition [<http://www.iranicaonline.org/articles/khalesizad>, accessed on 15.11.2025].
- Zarrinnal, N. (2024) “From the Creators of Knowledge to the Specialists of Spirit: Anti-Clericalism in Iran’s Modernist Intellectual Discourse (1925–1941)”, *Harvard Theological Review* 117 (4): 820–836.
- Zia-Ebrahimi, R. (2016) *The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation*. New York: Columbia University Press.

Информация об авторе / About the Author

Вероника Сергеевна Титова — аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). veronicatitova29@gmail.com

Veronica S. Titova — Graduate Student at HSE University (Moscow, Russia). veronicatitova29@gmail.com